

Юрий Демич принадлежит к тем людям, которые честны всегда — и в удачах, и в ошибках. Главное в этом актере — цельность. Наверное, поэтому так слились в зрительском восприятии образ председателя колхоза Николая Куркова из фильма «Надежда и опора» и личность исполнителя, что герой и актер, по сути, очень близки. Демич создал характер сложный, неоднозначный и, безусловно, сильный.

— Сильная личность? — переспрашивает Демич. — Наверное, Вы правы. Но ведь авторы сценария Ю. Черненко и Б. Метальников, режиссер В. Кольцов не боятся показывать Куркова подчас слабым, чуть ли не сломленным. Это характер, а бы сказал, многоэтапный. Но главное: в конце концов он достигает высшей степени любви — мудрости. Достигает понимания того, что настоящий руководитель, истинный лидер — не тот, кто просто ведет за собой людей, но тот, кто умеет за людей отвечать, кому близка боль других. На мой взгляд, сильный человек тот, кто умеет добиваться цели, добиваться во что бы то ни стало. Понятно, что средства, которые подвигают его к цели, не должны быть подлыми, то есть такими, когда ради судьбы собственной ломаешь судьбы чужие. В каждом человеке, наверное, есть мелкое и суетное — то, что мешает двигаться вперед. Главное — суметь суетное преодолеть ради общественно значимой цели. Человек только тогда может стать действительно личностью, когда он понимает, ради чего живет.

— Трудно удержаться от соблазна задать в такой вопрос: а Вы — сильный человек?

— Очень бы хотелось верить, что да. И дело тут не в том, чего я достиг к своим 34 годам. Сильный человек — одержимый, одержимый делом, работой. Для меня игра на сцене — страсть, которая с годами становится все ярост-

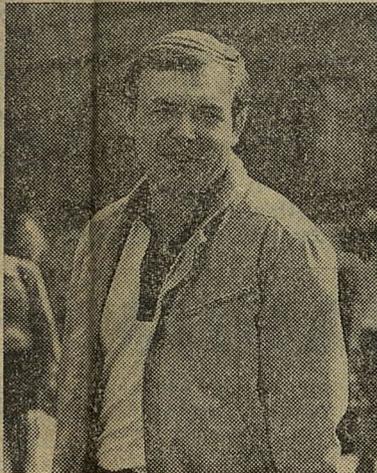
ней. А когда для человека работа — суть и смысл жизни, то профессия сторицей оплачивает за эту одержимость. вспомните того же Куркова. Я благодаря сцене встретился с Георгием Александровичем Товстоноговым. Работа с ним — истинная радость...

— Мои вопросы напраши-

для меня никогда не было ничего таинственного, я точно знал, что это тяжелая работа, огромнейший труд. Актером быть не мечтал, учился в математической школе. Но в старших классах стал понимать, что мы с математикой разговариваем на разных языках. Нет, я не стал получать

даль, жаждают настоящей работы. Я понимаю, что им трудно, но я не понимаю, почему они так боятся ехать на периферию. Периферийным театрам актеры необходимы. Сошлось на собственный пример: совсем молодым я сыграл в Куйбышевском театре более 30 главных ролей.

Юрий Демич: К УДАЧЕ ВЕДЕТ ВДОХНОВЕНИЕ



ваются сами собой: если Вы — сильный человек, значит, у Вас есть цель, которая Вами движет?

— Артист, я считаю, — великая профессия. То, что зритель понял, прочувствовал, заметил в жизни, но либо не смог, либо не сумел сказать, актер говорит с трибуны. У него есть великое право: нести людям слово. Какова вообще цель театра? Заставить человека заглянуть в самого себя, иногда даже вернуть человеку человеческое. Пусть это прозвучит громко: актер — великая профессия потому, что он — псевдомочный представитель человечества. Так что, если говорить о моей цели: главное — это звание оправдать.

— А как Вы пришли в театр, какими были Ваши первые шаги?

— Я рос в актерской семье, мой отец был народным артистом РСФСР, работал в Куйбышеве. И поэтому в театре

двойки — просто не видел в математике поэзии, не слышал музыку цифр, ту музыку, которую ощущали многие мои одноклассники. Как всегда, когда бывало трудно, обращался за советом к отцу. Отец — человек, влюбленный в свое дело, этой влюбленностью увлек меня. Я окончил театральное училище. 24 февраля 1973 года — на всю жизнь запомню эту дату — состоялась премьера «Гамлета», где я играл главную роль. Поставил спектакль Монастырский — главный режиссер Куйбышевского театра. Роль стала для меня пропуском в Ленинградский БДТ, где играю до сих пор.

Вот мы говорим о человеке с активной гражданской позицией, о том, что формирует личность. Уверен: настоящий характер не может сформироваться вне интенсивной работы. Я знаю, что по Ленинграду ходят много актеров, которые не знают, куда себя

Привожу примеры из актерской профессии, потому что это для меня ближе, но я уверен: если человек не жаждет трудной работы, он не сможет закалить характер.

— Пожалуйста, немного о людях, которые учили Вас...

— Первым был отец. Он претерпел в жизни нелегкие испытания, но не ожесточился. Озлобленность — признак слабости. Когда слабые люди обижаются на все человечество, они вымещают обиду на конкретных людях. Отец говорил: «Юра, посмотри вокруг. Как красиво! Дождь идет — хорошо, будет радуга. Солнце светит — прекрасно. Жизнь непредсказуема, быть может, сегодня ты видишь это в последний раз. Умей ценить мир и не размениваться на мелочи». Этот завет отца я буду помнить всегда, постараюсь передать его своему сыну.

— Но ведь формируют человека не только учителя,

старшие товарищи, но и ровесники-друзья?

— Конечно. Друзья учат верности. Еще в детстве я понял, что голько человек, имеющий настоящих друзей, может обрести уверенность в жизни. В детстве у мальчишек во дворе какое испытание? Потасовка, драка. Очень важно, чтобы у тебя сзади был тыл, когда сзади пусто — страшно. Если рядом был Юра Цветков, я знал: тыл у меня обеспечен. Он и сейчас мой лучший друг, Юра Цветков, ученый, из тех, кто умел слышать музыку цифр.

Настоящие друзья — это твой тыл, они рядом всегда. Недаром же на Востоке говорят, что друг — как тень. У меня в жизни пока не было более гяжелого, безысходного состояния, чем когда умер отец. Раньше я всегда знал: есть человек, слову которого я могу верить. И вдруг отца не стало. Я ощутил абсолютную пустоту, вакуум. И на всю жизнь я буду благодарен друзьям, которые в этот момент были рядом.

Я заметил, что, видя, как кому-то рядом плохо, люди часто просто боятся помогать, стесняются, нередко думают о том, что их помощь будет неуместна, забывая про то, как необходимо людям «чувство тыла».

— А вообще Вы часто встречаете людей с активной жизненной позицией?

— Не считал. Но среди моих ровесников, и особенно среди более молодых ребят, меня пугает инфантилизм, жизненная неустойчивость. Видимо, происходит это оттого, что условия жизни стали много лучше. Недавно я узнал, и меня поразило, какое огромное количество хлеба ежедневно идет в отходы в Ленинграде. В городе, пережившем блокаду! Ужасно, когда «сытость» становится и понятием духовным.

— А какую человеческую черту Вы в принципе не приемлете?

— Ненавижу зависть. За-

висть — признак слабости. Она лежит в основе всех подлых поступков. Предательство, самое гнусное, что может быть в отношении между людьми, чаще всего начинается с зависти.

— Есть еще один вопрос, который не задать невозможно: как воспитать сильную личность?

— Мы так много говорим о всяких ошибках в воспитании, что забываем, как много может человек сделать для себя сам. Можно помочь человеку разбежаться, но прыгнуть за него нельзя. Может быть, и инфантилизм рождается от чрезмерной опеки? Поэтому не хочу давать никаких рецептов. Единственное, то, о чем я уже говорил: если человек трудится через силу, если сам процесс работы не доставляет ему удовольствия, рано или поздно он сломается.

— Мы начали наш разговор с главной Вашей кинематографической работы: Курков в фильме «Надежда и опора». Кстати, эта роль была среди тех, за которые Вы были удостоены звания лауреата премии Ленинского комсомола. И, наверное, логично, что разговор превратился в расшифровку термина «сильный человек». О мягом, конечно, мы забыли, но хотелось бы спросить еще вот о чем: Вы не боитесь, что уверенность может превратиться в самоуверенность и станет мешать работе?

— Знаете, что раньше было самым трудным? Унять волнение. Черная дыра зала, сотни глаз... Теперь же, когда я окрест в профессии, больше всего боюсь лишиться этого волнения. У актера перед выходом на сцену должно быть состояние бегуна перед стартом. То, что раньше мешало, теперь стало источником вдохновения. А там, где есть вдохновение, наверняка будет и удача. Во всяком случае очень хочется в это верить.

Вел беседу

А. МАКСИМОВ.

Фото Ю. ФЕКЛИСТОВА.